

Е. В. Скуднякова

**ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК В ПОВЕСТЯХ И. С. ТУРГЕНЕВА:
ГЕРОИ С «РАЗДВОЕННОЙ ДУШОЙ»***Московский государственный университет технологий и управления
им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), г. Москва, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается проблема природы и человека в тургеневских повестях («Поездка в Полесье», «Довольно», «Призраки», «Фауст»). Подчеркивается роль философско-мировоззренческих установок самого писателя в художественном решении этой проблемы, приводятся данные из эпистолярного наследия.

Анализируются герои с «раздвоенной душой» согласно концепции М. О. Гершензона. Первый тип – персонажи без «внутренней цельности», второй – гармоничные сами с собой и с природой персонажи. Выделяются две репрезентации героя с «раздвоенной душой»: 1) явная – герой резко противопоставляет себя равнодушной природе-владычице; 2) скрытая – черты героев раскрываются по мере развития сюжета. Подробно анализируется способ репрезентации – через любовь персонажей.

Выявляются и исследуются две разновидности указанного типа персонажей: осознанно «переломленные» и неосознанно «надломленные». Первая – герои, которые четко понимают свою душевную двойственность. Они испытывают сильный страх перед природными стихиями и пытаются бороться с ними. Любовь рассматривается как одна из стихий. Вторая – герои, не осознающие своей внутренней раздвоенности. Они исподволь следуют наставлениям персонажей первой разновидности, которые стремятся уберечь их от таинственных сил природы. Для обеих разновидностей персонажей противостояние природе и ее силам заканчивается трагически.

Ключевые слова: *природа и человек, повесть, структура персонажа, диалог с природой, герои с «раздвоенной душой», осознанно «переломленные» герои, неосознанно «надломленные» герои.*

Е. В. Skudnyakova

**NATURE AND HUMANS IN I. S. TURGENEV'S NOVELLAS:
CHARACTERS WITH A "SPLIT SOUL"***K. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management
(the First Cossack University), Moscow, Russia*

Abstract. Nature and humans in Turgenev's novellas ("The trip to Polesie", "Enough", "Ghosts", "Faust") are in focus. The paper dwells upon Turgenev's philosophy on this issue. The conclusions are partly based on his epistolaria.

The author analyzes the characters with a "split soul". According to Mikhail Gershenzon's theory, the first type contains the characters without "internal consistency". The second type contains the characters of harmonized nature. There are also two types of characters with a "split soul" in Turgenev's novellas: deliberately "cracked" characters, and unconsciously "broken" characters. The characters with a "split soul" are represented as 1) vividly juxtaposed to ignorant nature, and 2) disclose their features in the plots. The characters' love stories play as a representation.

Both types of Turgenev's characters are under analysis. The deliberately "cracked" characters clearly understand their inner ambiguity. They have the strong fear of the elements. The unconsciously "broken" characters are unaware of their inner ambiguity. They unconsciously follow the deliberately "cracked" characters that try to save them from the mysterious forces of nature. This opposition to nature and its forces ends tragically.

Keywords: *Nature and Humans, novella, dialog with nature, structure of character, characters with “a split soul”, deliberately “cracked” characters, unconsciously “broken” characters.*

Введение. На протяжении всей своей жизни И. С. Тургенев осмысливал, как связаны между собой природа и человек. Один из самых сложных вопросов для писателя – есть ли у природы душа, разум; враждебна или дружелюбна она по отношению к человеку. Особенно глубоко эти вопросы обдумывались им в первой половине 1840-х гг.

Эпистолярное наследие И. С. Тургенева также подтверждает, что значительные перемены в его сознании происходили именно в этот период (письмо к М. А. Бакунину и А. П. Ефремову от 8 сентября 1840 г.) [19, с. 162–163]. Особый интерес представляет письмо к Беттине Арнимот от 1840 г. (или начала 1841 г.), в котором он говорит о том, что органичная связь души человека и природы есть «самое прекрасное, самое глубокое явление нашей жизни» [19, с. 351]. При этом И. С. Тургенев отмечал, что гармоничное взаимодействие может иметь место, только если человек будет «таким же правдивым, как сама природа» [19, с. 351].

М. О. Гершензон в своем труде «Мечта и мысль Тургенева» (1919) также писал, что именно в 1840-е гг. у И. С. Тургенева наблюдался глубокий внутренний разлад. «Состояние раздвоенной души» – так обозначил исследователь суть духовных исканий писателя [6, с. 49].

Цель работы – исследовать героев с «раздвоенной душой» в творчестве И. С. Тургенева (на примере повестей «Поездка в Полесье», «Довольно», «Призраки», «Фауст»), выявить и проанализировать разновидности данного типа героев [6, с. 49].

Актуальность исследуемой проблемы. В современном литературоведении представляется актуальным исследование тургеневской традиции в аспекте «человек и природа», так как это дает более глубокое понимание основных тенденций развития русской литературы в XX в. (художественное наследие И. А. Бунина, М. М. Пришвина, беллетристов И. С. Соколова-Микитова, В. В. Бианки, К. Г. Паустовского, Ю. П. Казакова, А. А. Кима и постмодернистов (В. Сорокин)) и перспектив ее дальнейшего движения в XXI в.

Концептуальный анализ героев с «раздвоенной душой» в творчестве И. С. Тургенева (на примере повестей «Поездка в Полесье», «Довольно», «Призраки», «Фауст») еще не был предметом специального исследования в отечественной науке о литературе [6, с. 49]. Нами впервые описываются и анализируются разновидности данного типа героев.

Материал и методы исследования. Материалом для изучения стали повести И. С. Тургенева «Поездка в Полесье» (1857), «Фауст» (1856), «Довольно» (1865), «Призраки» (1864), а также письма писателя.

Использованы сравнительно-сопоставительный метод и целостный анализ художественного произведения.

Результаты исследования и их обсуждение. Литературные критики второй половины XIX – начала XX в. уже отмечали особенное мастерство И. С. Тургенева в изображении природы [12], [2], [5], [16].

С. А. Андреевский полагал, что в повестях «Довольно» и «Фауст» четко отражается миросозерцание самого писателя, который «страдал» от «своего безверия в чудесное»: «Поэтому он так болезненно любил и эту родную природу, и эту драгоценную жизнь» [2, с. 268, 278, 287].

Многие исследователи рассматривали данную проблему в контексте философских воззрений И. С. Тургенева. Еще в первой половине XX в. появились работы, в которых отмечались точки соприкосновения между И. С. Тургеневым и А. Шопенгауэром в осмыслении ряда вопросов о человеке и его месте в мире. Это нашло воплощение в проблематике повестей «Довольно» и «Призраки» (Л. В. Пумпянский, М. К. Азадовский,

М. К. Клеман), но, как справедливо подчеркивает А. Батюто, в данных трудах многое трактовалось однобоко и «не без уклона к вульгарно-социологическим построениям, характерным для литературоведения тех лет» [14], [1], [10], [3, с. 119].

Во второй половине XX в. проблема взаимосвязи природы и человека в повестях И. С. Тургенева «Довольно» и «Призраки» также трактуется в русле философского диалога писателя с А. Шопенгауэром [4], [9].

А. И. Батюто рассматривал повести «Призраки», «Поездка в полесье» и «Довольно» в контексте пессимистических воззрений И. С. Тургенева, которые во многом формировались под влиянием А. Шопенгауэра [3]. Ученый подчеркивает, что писателю также в значительной степени «импонировали стихийно-материалистическое мышление античных философов, философия Паскаля, Фейербаха и мироощущение таких художников-мыслителей, как Шекспир, Вольтер, Гете, Пушкин» [3, с. 131].

П. Г. Пустовойт анализировал природу в творчестве И. С. Тургенева (в том числе в повестях «Поездка в полесье», «Фауст») в диапазоне эстетических взглядов писателя [15].

И в тургенеvedении XXI в. исследователи в той или иной степени обращаются к проблеме природы и человека в творчестве писателя. Определенный интерес представляет сборник «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения» (2018) [7], [13], [8], [20]. В работе В. К. Кантора специфически трактуется роль трагедии Гете «Фауст» (чтение книги) в раскрытии личности главной героини повести – Веры Николаевны [7].

Б. А. Прокудин, опираясь на труд М. О. Гершензона «Мечта и мысль Тургенева» и идеи Ж. Ж. Руссо, выделяет два типа героев в контексте проблемы «природа и человек». Первый тип – это герои, максимально близкие к природе, второй – герои, поработанные цивилизацией. Автор статьи анализирует эти типы на примере цикла «Записки охотника» [13].

В исследовании Н. А. Касавиной на материале цикла «Стихотворения в прозе» исследуется проблема человеческого одиночества перед лицом всемогущей природы [8].

В статье А. В. Устинова «Дворянская и крестьянская культуры в рассказе И. С. Тургенева “Бежин луг”» анализируются два различных взгляда на природу – дворянский и крестьянский [20]. По мнению исследователя, именно Тургенев открыл такое двойственное восприятие природы, впоследствии оказавшее влияние на русскую литературу XX в., например, на творчество И. А. Бунина. Отчасти эта концепция выглядит отголоском вульгарно-социологических теорий.

Проблема природы и человека в художественном наследии И. С. Тургенева активно исследуется и зарубежными тургенеvedами. Примечательна работа В. Лие (2019), в которой утверждается, что в тургеновской прозе природа и человек взаимодействуют друг с другом в «диалектическом единстве» [11, с. 136]. Анализируя семантическую наполненность (философскую, этическую и эстетическую) пейзажа в повестях писателя, В. Лие приходит к выводу, что «природа порой становится у Тургенева вторым “я” человека, органической частью его существа» («Вешние воды») [11, с. 141].

М. О. Гершензон первым выделил в его творчестве два типа героев. Основной критерий классификации – наличие или отсутствие «внутренней цельности» [6, с. 42]. Первый тип – герои без «внутренней цельности», с «раздвоенной душой» [6, с. 42, 49]. Второй тип – герои, которые живут в гармонии с природой. Ученый выделил данные типы в рамках одной из ключевых проблем в творчестве писателя – взаимодействия природы и человека.

По М. О. Гершензону, героям первого типа свойственно:

- 1) видеть истинный лик природы;
- 2) страдать от «тяжелой метафизической тоски»;
- 3) жить с чувством «болезненности прошлого» и страхом перед смертью;
- 4) «мучиться вопросом о смысле жизни или сознанием ее бессмысленности» [6, с. 49].

К этому типу героев М. О. Гершензон относит героя-повествователя повести «Поездка в Полесье» (1857), через мысли и чувства которого раскрывается «состояние раздвоенной души» самого И. С. Тургенева [6, с. 49]. Герой-рассказчик видит природу властной и равнодушной по отношению к человеку. Поэтому пейзажные картины Полесья вызывают у персонажа повести мрачные мысли, он не видит в них ничего светлого и радостного: «...Все деревья да деревья <...> и <...> вечный туман Полесья» [17, т. 5, с. 131].

В Полесье тяжелые мысли еще сильнее одолевали героя-рассказчика. Он практически не чувствовал жизненной энергии вокруг себя: «...Отсутствием жизни, чем-то мертвенным, хотя и величавым, веяло мне со всех краев небосклона» [17, т. 5, с. 131]. Летний пейзаж полностью соответствует состоянию персонажа: «жаркий летний день лежал недвижно на безмолвной земле», «мох, весь усеянный мертвыми иглами, покрывал землю»; «красноватая вода речки скользила без плеска» [17, т. 5, с. 131, 136–137].

Лесная стихия так давила на героя, что ему было трудно дышать в лесу. Когда он оказался наедине с лесной стихией, у него возникло неприятное ощущение близкой смерти. Перед его глазами пронеслась вся его жизнь, а сердце защемило от осознания мимолетности жизни человека.

Герой повести «Поездка в Полесье» понимал, что единственным спасением может быть только смирение: «...Приучайся к смирению последней разлуки, к горьким словам: “прости” и “навсегда”» [17, т. 5, с. 139]. Для него осталось только одно слабое утешение – обратиться «к мелким заботам и трудам жизни» [17, т. 5, с. 130].

К первому типу можно отнести и героя-рассказчика повести «Довольно» (1865), который тоже видит настоящее лицо природы, осознает ее холодное безразличие к человеку, его мыслям, духовным исканиям, способностям и т. д. На берегу «тихой речки», «глядя на <...> темные и небыстрые волны», он мучительно осознавал ничтожность человека перед природой [18, т. 7, с. 220].

Спокойный предвечерний пейзаж подчеркивает вечность природных законов и контрастирует с быстротечностью жизни отдельно взятого человека и человечества вообще. Для природы жизнь человека подобна жизни насекомого.

Персонаж этой повести стремится отстоять право человека быть личностью, что выражается в одном только веском слове: «...Довольно! – и, скрестив на пустой груди ненужные руки, сохранить последнее <...> достоинство сознания собственного ничтожества ...» [18, т. 7, с. 226]. Он твердо убежден, что «там, где нет личности, нет человека, нет свободы» [18, т. 7, с. 229]. Человек принимает вечный круговорот в природе, но ему тяжело осознавать свою роль в нем: «Ему одному дано “творить”... но странно и страшно вымолвить: мы творцы... на час...» [18, т. 7, с. 229].

Итак, героям первого типа открытое природное пространство враждебно, им тяжело находиться лицом к лицу с природными стихиями. Например, герой-рассказчик повести «Поездка в Полесье» «чувствует, что последний из его братии может исчезнуть с лица земли – и ни одна игла не дрогнет на этих ветвях» [17, т. 5, с. 130]. Ему слышится предостерегающий голос леса: «“Ступайте вон, беспокойные живые”, – казалось, шептал он нам угрюмо из-за каждой сосны» [17, т. 5, с. 140].

Герой-рассказчик повести «Довольно» принимает свое абсолютное бессилие перед «глухонемой слепорожденной силой, которая <...> идет вперед, всё пожирая» [18, т. 7, с. 229]. И герой-повествователь повести «Призраки» (1864) трепещет от страха перед бушующим морем: «Завывание бури, леденящее дыхание расколыхавшейся бездны, тяжкий плеск прибоя <...> всюду <...> смерть и ужас...» [18, т. 7, с. 199]. Такой тяжелый в эмоциональном плане пейзаж описывает остров Уайт, рядом с которым часто происходят кораблекрушения. Рассматриваемые герои чувствуют себя беспомощными перед силами природы, поэтому они стремятся вернуться в пространство дома, где ощущают себя в относительной безопасности.

По И. С. Тургеневу, природа не ограничивается четырьмя традиционными стихиями (вода, огонь, земля и воздух). Еще одна «стихийная, бессознательная и равнодушная к человеку сила природы» – любовь [17, т. 5, с. 419]. Перед ней герои первого типа также абсолютно беспомощны. Как правило, именно любовью писатель проверяет наличие или отсутствие внутренней гармонии у своих героев.

Мы выделяем несколько разновидностей героев первого типа в творчестве И. С. Тургенева. Первая – герои, которые осознают «раздвоенность» своей души и понимают, что это может привести к пагубным последствиям [6, с. 49]. Поэтому они боятся жизни, сил природы (особенно любви), пытаются противостоять ее законам. Обозначим подобных героев как осознанно «переломленных» [17, т. 5, с. 99].

К данной разновидности относится госпожа Ельцова из повести «Фауст» (1856), которой и принадлежит это определение: «Надламывать себя не для чего <...> надо всего себя переломить или уж не трогать...» [17, т. 5, с. 99]. Ее основной жизненный принцип таков: «... Надо заранее выбрать в жизни: или полезное, или приятное» [17, т. 5, с. 98]. Ельцова прямо говорит герою-повествователю о том, что боится «тайных сил, на которых построена жизнь и которые изредка, но внезапно пробиваются наружу» [17, т. 5, с. 98]. Героиня закрылась от жизни, а «ключ бросила в воду»; она «даже стыдилась выказывать страстную любовь свою к дочери» [17, т. 5, с. 98, 99]. Герой-рассказчик (П. Б.) практически сразу отметил ее сдержанность в отношении Веры.

Ельцова всеми силами стремилась уберечь дочь от «тайных сил жизни». Она помнила о судьбах своей матери, отца и мужа [17, т. 5, с. 98]. Однако человек бессилён против законов природы, поэтому воспитание «по системе» не помогло и Вере Николаевне [17, т. 5, с. 98].

Вторая разновидность героев первого типа – неосознанно «надломленные» [17, т. 5, с. 99]. Соответственно, к ним мы относим Веру Николаевну из повести «Фауст». Она слепо следовала всем наставлениям матери, поэтому в душе ее не разгорались сильные эмоции. П. Б. сразу заметил ее непохожесть на других.

Госпожа Ельцова не позволила П. Б. жениться на ее дочери: «...Поезжайте в Берлин, надломитесь-ка еще» [17, т. 5, с. 100]. Но судьба распорядилась так, что он встретил Веру Николаевну спустя девять лет. Герой-рассказчик с удивлением увидел, что она практически не изменилась. Это показалось ему очень странным: «Женщина в двадцать восемь лет, жена и мать, не должна походить на девочку: недаром же она жила» [17, т. 5, с. 101]. Негативные эмоции у него вызвало и то, что молодая женщина так и не прочла «ни одного <...> выдуманного сочинения!» [17, т. 5, с. 101]. Но природу невозможно обмануть, трагедия Гете «Фауст» пробудила в душе Веры Николаевны все те эмоции, которые так долго оставались под запретом. Герой-повествователь сразу заметил в ней перемены, она стала более открыто проявлять свои эмоции по отношению к дочери: «... С какой-то порывистой нежностью обняла свою дочь... Это не в ее привычках» [17, т. 5, с. 110]. Но, несмотря на внутреннее возрождение, Вера Николаевна инстинктивно искала защиты у матери. Дома она всегда сидела под ее портретом, «словно птенчик под крылом матери» [17, т. 5, с. 116].

Тем не менее человек не может сопротивляться одной из самых мощных природных стихий – любви. Любовь обнажила «раздвоенность души» Веры: «Какая-то невидимая сила бросила меня к ней, ее – ко мне <...> и наши губы слились в поцелуй...» [6, с. 49], [17, т. 5, с. 124]. Вера сама назначила свидание П. Б.: «...Я приду... <...> кто бы ни останавливал меня, клянусь!» [17, т. 5, с. 124].

Она разрывалась между любовью и страхом нарушить заветы матери, ей даже привиделся призрак госпожи Ельцовой. Вера Николаевна все время вспоминала ее слова: «Ты как лед: пока не растаешь, крепка, как камень, а растаешь, и следа от тебя

не останется» [17, т. 5, с. 125]. Молодая женщина не справилась с неведомыми ей до сих пор эмоциями – она тяжело заболела и умерла.

Таким образом, герои, «надломленные» не по своей воле, после столкновения с таинственными силами природы, как правило, умирают [17, т. 5, с. 99].

К первому типу героев в повести «Фауст» относится и П. Б. Подчеркнем, что у него, в отличие от персонажей повестей «Довольно», «Поездка в Полесье» и «Призраки», «раздвоенный дух» раскрывается в ходе развития сюжета [6, с. 50]. Два фактора способствуют этому: 1) повествование от первого лица; 2) рассказ написан в эпистолярной форме (девять писем).

В самом начале произведения перед нами герой-рассказчик, который вернулся домой из-за границы после девяти лет отсутствия. У него наблюдаются некоторые симптомы «метафизической тоски»: «Какая-то душевная тишь нашла на меня <...> мечтать не о чем, лень мыслить; но думать не лень...» [6, с. 49], [17, т. 5, с. 92–93].

П. Б. все чаще одолевают воспоминания о детстве. Он чувствует у себя в душе «дремотное бремя», ему хочется побыть наедине со своими мыслями и воспоминаниями: «А все-таки мне кажется <...> есть еще что-то такое на свете <...> чего я не испытал, и это «что-то» – чуть ли не самое важное» [17, т. 5, с. 93, 94].

При этом герой-повествователь еще способен воспринимать красоту природы. Он замечает, каким прекрасным стал сад – «великолепные кусты сирени, акации, жимолости»; сладость «липовых аллей» [17, т. 5, с. 91]. П. Б. в начале рассказа не воспринимает природу как необузданную и враждебную человеку силу. Поэтому он чувствует себя спокойно наедине с природой, испытывает восторг от пения птиц.

По ходу развития сюжета на фоне спокойных вечерних пейзажей появляются описания природных стихий (гроза, сильный ветер). Так, перед чтением трагедии Гете «Фауст» герой-повествователь наслаждается красотой летнего вечера: «Прямо над поляной <...> стояло большое розовое облако <...> на самом краю его <...> дрожала звездочка, а немного подалее виднелся белый серп месяца на слегка поалевшей лазури» [17, т. 5, с. 105]. Но Вера Николаевна обратила его внимание на то, что скоро будет гроза: «...Вздымалась огромная темно-синяя туча; видом своим она представляла подобие огнедышащей горы <...> яркой каймой окружал ее зловещий багрянец...» [17, т. 5, с. 105]. Природная гроза предвещала «грозу» в их душах. После чтения трагедии Вера Николаевна даже заплакала. В душе героя-рассказчика тоже нет покоя: «Я сам чувствую себя смутным. Мне не по себе. Я не знаю, что со мною» [17, т. 5, с. 110–111].

До седьмого письма, в котором герой-повествователь признается в том, что любит Веру, признаки раздвоенности проявляются у него глубоко внутри, на ментальном уровне. С природой он пока еще гармоничен, поэтому описывает ее красоту светлыми и чистыми красками. Например, в шестом письме был летний дневной пейзаж (прогулка по озеру): «Погода была славная <...> большие <...> белые тучи по синему небу, везде блеск, шум в деревьях, плесканье и шлепанье воды у берега, на волнах беглые, золотые змейки, свежесть и солнце!» [17, т. 5, с. 114].

И только любовь высветила внутреннюю дисгармонию у героя-рассказчика: «Как внезапно обрушился этот удар на мою голову! <...> Я наружно спокоен <...> Но червь вполз в мое сердце и сосет его днем и ночью» [17, т. 5, с. 119]. И, несмотря на то что любовь П. Б. была взаимной, он испытывал «тайную, грызущую тоску» [17, т. 5, с. 126].

Предчувствие не обмануло его: Вера Николаевна тяжело заболела и умерла. Трагическая любовь полностью изменила героя-повествователя, он даже перестал с кем-либо общаться, глубоко задумался о жизни, о любви, «о тайной игре судьбы, которую мы, слепые, величаем слепым случаем» [17, т. 5, с. 128]. П. Б. осознает полное бессилие человека перед законами природы: «Кто скажет, какой таинственной цепью связана судьба человека

с судьбой его детей <...> и как отражаются на них его стремления, как взываются к ним его ошибки?» [17, т. 5, с.128].

Таким образом, герой-повествователь проходит духовную трансформацию через любовь. В конце рассказа перед нами предстает персонаж первого типа. У П. Б. душевный разлад сопровождается мучительным раскаянием: «...С немим отчаянием гляжу я на дело рук своих» [17, т. 5, с. 129]. Он понимает, что никогда человек не постигнет тайн природы до конца, он для этого слишком мелок и ничтожен. Герой-рассказчик верил и не верил в то, что Вера Николаевна видела призрак своей матери. Он пытался, но так и не нашел ответов на свои вопросы: «Как <...> растолковать это непонятное вмешательство мертвого в дела живых <...> Она сберегла ее до конца и, при первом неосторожном шаге, унесла ее с собой в могилу» [17, т. 5, с. 128, 129].

Как и все герои первого типа, он задумывался о смысле жизни. После столь трагических событий в своей жизни пришел к следующему выводу: «Отречение, отречение постоянное – вот ее тайный смысл <...> исполнение долга, вот о чем следует заботиться человеку...» [17, т. 5, с. 129]. П. Б. четко осознал, что единственный выход для человека – смирение: «Мы все должны смириться и преклонить головы перед Неведомым» [17, т. 5, с. 128].

Выводы. Проблема взаимодействия человека и природы – одна из ключевых в творчестве И. С. Тургенева. Она всегда была тесно связана с мировоззрением самого писателя, его философскими исканиями. В 1840-е гг. происходит особенно активное осмысление данной проблемы, которое продолжается и в дальнейшем творчестве И. С. Тургенева. В нашей работе мы рассмотрели ее отражение в произведениях 1850–1860-х гг.: «Поездка в Полесье» (1857), «Фауст» (1856) и «Довольно» (1865).

В основу исследования положена типология героев в творчестве писателя, которую предложил М. О. Гершензон [6]. Мы проанализировали героев первого типа; выявили и рассмотрели его разновидности. Герои второго типа станут предметом изучения в последующих статьях.

В художественной ткани произведений И. С. Тургенева присутствуют герои «с раздвоенной душой» [6, с. 49]. В повестях «Поездка в Полесье» и «Довольно» этот тип персонажей представлен очень четко (герои-повествователи). Герои находятся в абсолютном разладе с природой, с самими собой; они чувствуют себя ничтожными песчинками в недрах всемогущей и холодной природы.

В повести «Фауст» присутствует не только первый тип героев (П. Б.), но и его разновидности – 1) осознанно «переломленные» (госпожа Ельцова) и 2) неосознанно «надломленные» (Вера Николаевна) [17, т. 5, с. 99].

Отметим, что в повести «Фауст», в отличие от других рассматриваемых произведений, первый тип героя представлен особым образом («скрытая форма») – его «раздвоенный дух» высвечивается постепенно, в ходе развертывания основных событий [6, с. 50]. Подчеркнем, что именно в этом произведении особенности героев первого типа и его разновидностей раскрываются через любовь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский М. К. Три редакции «Призраков» // Ученые записки Ленинградского университета. – 1939. – № 20. – Сер. филологических наук, вып. 1. – С. 123–154.
2. Андреевский С. А. Литературные очерки. – СПб. : Типография А. Е. Колпинского, 1902. – 498 с.
3. Батюто А. И. Тургенев-романист. – Л. : Наука, 1972. – 389 с.
4. Винникова И. А. Об идейных истоках «Призраков» и «Довольно» (Тургенев и Шопенгауэр) // И. С. Тургенев в шестидесятые годы (очерки и наблюдения). – Саратов : Изд-во Саратовск. ун-та, 1965. – С. 53–73.
5. Ганжулевич Т. Я. «Записки охотника» И. С. Тургенева. – СПб. : Издание товарищества «Прогресс нашей жизни», 1908. – 190 с.

6. Гершензон М. О. Мечта и мысль И. С. Тургенева. – М. : Книгоизд-во писателей в Москве, 1919. – 170 с.
7. Кантор В. К. Тургенев: немецкое влияние, или Схождение мирового духа на Россию // Часы Ивана Тургенева. Международная конференция «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения». – М., 2018. – С. 73–93.
8. Касавина Н. А. Экзистенциальное одиночество: смирение и миссия (по мотивам произведений И. С. Тургенева) // Часы Ивана Тургенева. Международная конференция «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения». – М., 2018. – С. 162–175.
9. Кийко Е. И. «Призраки» реминисценции из Шопенгауэра // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева / под ред. М. П. Алексеева. – Л. : Наука, 1967. – Вып. 3. – С. 123–125.
10. Клеман М. К. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева. – М. ; Л. : ACADEMIA, 1934. – 373 с.
11. Лие В. Природа и чувство тургеневской повести // Вестник Костромского государственного университета. – 2019. – № 2. – С. 136–145.
12. Незеленов А. И. Тургенев в его произведениях. – СПб. : Типография А. С. Суворина, 1885. – 262 с.
13. Прокудин Б. А. Социально-политический идеал И. С. Тургенева 1840–1850-х гг. (на материале сборника «Записки охотника» и рассказа «Муму») // Часы Ивана Тургенева. Международная конференция «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения». – М., 2018. – С. 113–131.
14. Пумпянский Л. В. Тургенев-новеллист // Классическая традиция: собрание трудов по истории русской литературы / отв. ред. А. П. Чудаков. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 864 с.
15. Пустовойт П. Г. И. С. Тургенев – художник слова. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 303 с.
16. Собрание критических материалов для изучения произведений И. С. Тургенева / сост. В. А. Зелинский. – М. : Типография Вильде, 1910. – Вып. 1. – 624 с.
17. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. – Т. 5. – М. : Наука, 1980 – 543 с.
18. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. – Т. 7. – М. : Наука, 1981. – 559 с.
19. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 18 т. – Т. 1. – М. : Наука, 1982. – 607 с.
20. Устинов А. В. Дворянская и крестьянская культуры в рассказе И. С. Тургенева «Бежин луг» // Часы Ивана Тургенева. Международная конференция «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения». – М., 2018. – С. 251–262.

Статья поступила в редакцию 26.10.2020

REFERENCES

1. Azadovskij M. K. Tri redakcii «Prizrakov» // Uchenye zapiski Leningradskogo universiteta. – 1939. – № 20. – Ser. filologicheskikh nauk, vyp. 1. – S. 123–154.
2. Andreevskij S. A. Literaturnye ocherki. – SPb. : Tipografiya A. E. Kolpinskogo, 1902. – 498 s.
3. Batyuto A. I. Turgenev-romanist. – L. : Nauka, 1972. – 389 s.
4. Vinnikova I. A. Ob idejnyh istokah «Prizrakov» i «Dovol'no» (Turgenev i SHopengauer) // I. S. Turgenev v shestidesyatye gody (ocherki i nablyudeniya). – Saratov : Izd-vo Saratovsk. un-ta, 1965. – S. 53–73.
5. Ganzhulevich T. Ya. «Zapiski ohotnika» I. S. Turgeneva. – SPb. : Izdanie tovarishchestva «Progress nashej zhizni», 1908. – 190 s.
6. Gershenzon M. O. Mechta i mysl' I. S. Turgeneva. – M. : Knigoizd-vo pisatelej v Moskve, 1919. – 170 s.
7. Kantor V. K. Turgenev: nemeckoe vliyanie, ili Skhozhdenie mirovogo duha na Rossiju // Chasy Ivana Turgeneva. Mezhdunarodnaya konferenciya «Ivan Sergeevich Turgenev: filosofstvuyushchij pisatel' i politicheskij filosof. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya». – M., 2018. – S. 73–93.
8. Kasavina N. A. Ekzistencial'noe odinochestvo: smirenije i missiya (po motivam proizvedenij I. S. Turgeneva) // Chasy Ivana Turgeneva. Mezhdunarodnaya konferenciya «Ivan Sergeevich Turgenev: filosofstvuyushchij pisatel' i politicheskij filosof. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya». – M., 2018. – S. 162–175.
9. Kijko E. I. «Prizraki» reminiscencii iz Shopengauera // Turgenevskij sbornik. Materialy k polnomu sobraniyu sochinenij i pisem I. S. Turgeneva / pod red. M. P. Alekseeva. – L. : Nauka, 1967. – Vyp. 3. – S. 123–125.
10. Kleman M. K. Letopis' zhizni i tvorchestva I. S. Turgeneva. – M. ; L. : ASADEMIA, 1934. – 373 s.
11. Lie V. Priroda i chuvstvo turgenevskoj povesti // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2019. – № 2. – S. 136–145.
12. Nezelenov A. I. Turgenev v ego proizvedeniyah. – SPb. : Tipografiya A. S. Suvorina, 1885. – 262 s.

13. *Prokudin B. A.* Social'no-politicheskij ideal I. S. Turgeneva 1840–1850-h gg. (na materiale sbornika «Zapiski ohotnika» i rasskaza «Mumu») // Chasy Ivana Turgeneva. Mezhdunarodnaya konferenciya «Ivan Sergeevich Turgenev: filosofstvuyushchij pisatel' i politicheskij filosof. K 200-letiyu so dnya rozh-deniya». – M., 2018. – S. 113–131.

14. *Pumpyanskij L. V.* Turgenev-novellist // Klassicheskaya tradiciya: sobranie trudov po istorii russkoj literatury / otv. red. A. P. Chudakov. – M. : Yazyki russkoj kul'tury, 2000. – 864 s.

15. *Pustovojt P. G.* I. S. Turgenev – hudozhnik slova. – M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1987. – 303 s.

16. Sobranie kriticheskikh materialov dlya izucheniya proizvedenij I. S. Turgeneva / sost. V. A. Zelinskij. – M. : Tipografiya Vil'de, 1910. – Vyp. 1. – 624 s.

17. *Turgenev I. S.* Polnoe sobranie sochinenij i pisem : v 30 t. Sochineniya : v 12 t. – T. 5. – M. : Nauka, 1980 – 543 s.

18. *Turgenev I. S.* Polnoe sobranie sochinenij i pisem : v 30 t. Sochineniya : v 12 t. – T. 7. – M. : Nauka, 1981. – 559 s.

19. *Turgenev I. S.* Polnoe sobranie sochinenij i pisem : v 30 t. Pis'ma : v 18 t. – T. 1. – M. : Nauka, 1982. – 607 s.

20. *Ustinov A. V.* Dvoryanskaya i krest'yanskaya kul'tury v rasskaze I. S. Turgeneva «Bezhin lug» // Chasy Ivana Turgeneva. Mezhdunarodnaya konferenciya «Ivan Sergeevich Turgenev: filosofstvuyushchij pisatel' i politicheskij filosof. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya». – M., 2018. – S. 251–262.

The article was contributed on October 26, 2020

Сведения об авторе

Скуднякова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), г. Москва, Россия; e-mail: elenaskudnakova@gmail.com

Author information

Skudnyakova, Elena Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, K. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University), Moscow, Russia; e-mail: elenaskudnakova@gmail.com